

Нет автора

Русская старина

1879. Том 25

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1879. Том 25 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 798 с.

ISBN 978-5-458-02776-2

ISBN 978-5-458-02776-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АРСЕНІЙ МАЦЬЕВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

II ¹⁾.

Арсеній Мацѣевичъ (въ мѣрѣ Александръ) родился въ 1697 году, во Владимірѣ Волинскомъ ²⁾. Дѣдъ его былъ полякъ ³⁾, а отецъ православный священникъ; потомки отъ брата Арсенія до сихъ поръ существуютъ въ средѣ духовенства кievской епархіи ⁴⁾. Въ юности Арсеній учился во «владимірской варенжской и львовской академіяхъ» ⁵⁾, откуда въ 1715 г. поступилъ въ кievскую академію, но оставался въ ней не долго. Уже въ слѣдую-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 731—752.

²⁾ Въ припискѣ къ сказкѣ, поданной имъ въ синодъ, 16-го мая 1738 г., говорится: «а отъ роду себѣ имѣеть сорокъ второй годъ». «XVIII вѣкъ», II, 365, примѣчаніе.

³⁾ «День» 1861, № 15, стр. 5. По Насѣцкому (Корона Польская), Арсеній происходилъ изъ польской шляхты.

⁴⁾ «Кiev. Епарх. Вѣд.» 1869, № 10, стр. 385. Здѣсь перепечатана и самая «сказка» Мацѣевича изъ «Ярославскихъ Епарх. Вѣд.», въ незнаніи которой Н. И. Барсовъ упрекаетъ С. М. Соловьева (см. его статью по поводу XXV т. Ист. Россіи въ «Русской Старинѣ» 1876 г., апрѣль). Такія малодоступныя изданія, какъ «Епархіальныя Вѣдомости», дѣйствительно могутъ быть неизвѣстны; но, какъ видно, г. Барсовъ не знаетъ, что та же сказка одновременно была напечатана и въ «XVIII вѣкъ» г. Бартенева (томъ II, 365), безъ сомнѣнія, хорошо извѣстномъ г. Соловьеву.

⁵⁾ Напечатано въ сомнительной формѣ: «варенжской» (вѣд.), но Варенжъ находился въ діоцезѣ Хелнскомъ и имѣлъ піарскій коллегіумъ, основанный въ 1688 г., который потомъ былъ обращенъ въ элементарную школу. *Historja szkół w koronie i wielkiem księstwie Litewskiem, przez Józ. Lukaszewicza, IV 246—247.*

В. И.

щемъ году мы его встрѣчаемъ въ Новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ онъ принялъ монашество, состоялъ проповѣдникомъ и обучалъ въ тамошней школѣ латинскому языку. Въ это же время въ бытность свою въ Черниговѣ, Арсеній сблизился съ архіепископомъ Антоніемъ Стаховскимъ¹⁾, но и въ монастырѣ Арсеній оставался не долго. Въ 1718 г., по собственному желанію, онъ былъ отпущенъ въ кievскую академію «для слушанія философіи и богословія». Впрочемъ, еще во время первоначальнаго пребыванія Арсенія въ академіи, Теофанъ Прокоповичъ былъ вызванъ въ Петербургъ.

Въ академіи Теофанъ послѣдовательно читалъ поэзію, риторику, философію, богословіе и кромѣ того физику, ариметику и геометрію, которыя до того времени вовсе не преподавались въ академіи. Заслуга Теофана, какъ преподавателя, состояла въ томъ, что онъ оставилъ прежній схоластическій методъ преподаванія богословія и ввелъ новый, выработанный протестантскою богословскою наукою. Методъ этотъ былъ критико-историческій; между тѣмъ, какъ въ схоластическихъ школахъ о филологическомъ изученіи текста, о сличеніи древнихъ списковъ и переводовъ, о критическомъ изученіи отцовъ церкви, въ связи съ исторіею послѣд-

¹⁾ Антоній Стаховскій, также учившійся въ Кіевѣ, былъ первый профессоръ и префектъ въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ архимандритъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря, архіепископъ Черниговскій и Новгородсѣверскій (съ 20-го сентября 1713 г.), наконецъ митрополитъ Сибирскій (съ 1721 г.). Ему принадлежатъ нѣсколько сочиненій церковнаго содержания, изъ которыхъ одно писано стихами, и по его же распоряженію въ 1716 г. былъ сдѣланъ учителями коллегіума переводъ исторіи Тита Ливія, съ латинскаго языка, приготовленный къ печати. Но въ 1722 г. синодъ доносилъ Петру Великому о какомъ-то переводѣ Тита Ливія, что онъ къ печатанію весьма неудобенъ, а для исправленія его потребуются «и труда многого и времени довольнонаго» (Пекарскій, II, 116—118; 448—450; статья Снегирева въ Учен. Записк. Моск. унив. 1833; Обз. духовн. литер., Филарета, II, 17—18; списки іерарховъ и настоятелей монастырей, Строева (издано Археогр. комисс., подъ ред. члена комисіи М. И. Семеvскаго) и Юр. Толстаго; Ант. Стаховскій, митр. С.-Петербургскій и Тобольскій, Н. Абрамова, «Странникъ», 1863, № 1; описаніе Черниговской іерархіи и Ильинскаго монастыря (грамоты и письма Антонія). В. И.

ней, не было и помину. Познакомившись весьма близко съ іезуитскою системою воспитанія въ Польшѣ и за границею, Теофанъ, при каждомъ случаѣ, съ особенною энергіею высказывается противъ католическихъ богословскихъ авторитетовъ и обрядности. Въ его рѣчахъ нѣтъ отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, ни швольныхъ приступовъ и аргументацій, ни утомительной длиноты періодовъ, свойственныхъ схоластическимъ. Какъ ректоръ академіи, Теофанъ поднялъ хозяйственную часть заведенія, бывшую до того въ большомъ запущеніи. Вліяніе его курсовъ отразилось и въ кievской, и въ московской академіяхъ, но оно встрѣтило сильный отпоръ въ лицѣ послѣдователей схоластической науки, учениковъ іезуитскихъ школъ и католическихъ академій, которые, усвоивъ приемы своихъ наставниковъ, не съумѣли возвыситься до болѣе независимой критики. Борьба этихъ двухъ направленій не замедлила обнаружиться и въ школахъ, и въ литературѣ. Еще въ 1712 г., когда Теофанъ написалъ сочиненіе: «Распря Павла и Петра о игѣ неудобноносимомъ», противъ него выступилъ ректоръ московской академіи, Теофилактъ Лопатинскій. Онъ обвинилъ Теофана въ намѣреніи внести «въ міръ російскій мудрованія реформатскія, доселѣ въ православной церкви не слыханныя, о законѣ Божіемъ и оправданіи», и этотъ споръ поселилъ навсегда вражду между обоими авторами, такъ печально окончившуюся потомъ для противника Теофана. До XVIII вѣка русская церковь болѣе благопріятно относилась къ лютеранству, нежели къ католицизму; но теперь, подъ вліяніемъ южно-русскихъ ученыхъ, вліяніе Польши и католицизма проникаетъ въ восточную Россію, и въ пользу послѣдняго обнаруживается рѣзкій поворотъ въ церковныхъ воззрѣніяхъ. «Камень Вѣры» другаго представителя этой школы (Стефана Яворскаго) былъ полнымъ выраженіемъ того же направленія. Недаромъ возлѣ этого памятника церковной литературы сосредоточивается и самая борьба обоихъ направленій въ XVIII вѣкѣ¹⁾. По выходѣ Теофана изъ кievской академіи, тамъ снова возобладалъ прежній духъ преподаванія, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ тогдашніе курсы, такъ и отзывы современниковъ и церковныхъ историковъ. «Теофанъ Прокоповичъ», читаемъ въ нихъ — преподававшій богословіе съ 1711 по 1715 г.,

¹⁾ Чистовичъ, Теофанъ Прокоповичъ и его время, 5—37.

излагалъ свои курсы въ нѣкоторой системѣ, но пріемники его не послѣдовали его примѣру, а всѣ до одного почти продолжали идти прежнимъ путемъ... Они сходятся между собою и отсутствіемъ системы, и своимъ схоластицизмомъ, и своимъ духомъ православія. Уже въ началѣ второй половины XVIII вѣка, сама академія сдѣлала отзвѣты въ томъ смыслѣ, что «во всѣхъ російскихъ академіяхъ, коллегіяхъ и семинаріяхъ, въ ученіи богословія нѣтъ порядка, почему въ Россіи и пондѣ настоящей богословіи не имѣется», и замѣчательно, что въ это время, какъ бы въ интересѣ улучшенія, снова перешли къ курсамъ Теофана, которые не разъ издавались въ Кіевѣ (1770, 1772, 1773, 1775, 1782, 1805). Въ параллель съ богословіемъ, и философія, до второй половины XVIII вѣка, преподавалась въ Кіевѣ, подъ преимущественнымъ вліяніемъ Аристотеля и схоластиковъ, и, только во второй половинѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ системы, введенной уже въ великороссійскихъ училищахъ, вводятся постоянные курсы по математикѣ, естественной исторіи, всеобщей исторіи и географіи, до того времени или вовсе не преподававшіеся, или преподававшіеся отрывочно¹⁾. Вотъ почему такой умъ, какъ Ломоносова, не могъ удовлетвориться тогдашнимъ характеромъ академическаго преподаванія и онъ успѣшилъ оставить академію (1734), о которой потомъ отзывался, что «тамъ онъ нашель однѣ сухія бредни, вмѣсто философіи и никакихъ задатковъ для физики и математики»²⁾.

Во второй разъ Арсеній оставался въ академіи по 1726 годъ, гдѣ и получилъ санъ священника (1723). Въ академіи же онъ вполне усвоилъ пріемы того направленія, которое не замедлило вступить въ борьбу съ ученіемъ Теофана, когда, по смерти Петра Великаго и Екатерины I, наступило для него болѣе благоприятное время. Но въ этой борьбѣ Арсеній не могъ еще принимать участія; онъ былъ только постороннимъ наблюдателемъ ея, сохранивъ о ней самыя печальныя воспоминанія. Прежняя же наклонность Арсенія къ переменѣ мѣстъ не давала ему покоя. Такъ, по выходѣ изъ академіи, онъ состоитъ одно время (1726—1727) проповѣдникомъ при кіевскомъ архіепископѣ Варлаамѣ Ванатовичѣ,

¹⁾ Ист. Кіев. академіи, Макарія Булгакова, стр. 124—171.

²⁾ А. А. Кунякъ, Матер. для исторіи Акад. Наукъ въ XVIII вѣкѣ, 392.

тщетно добивавшемся сана митрополита въ кievской епархіи и павшемъ въ началѣ царствованія Анны Іоанновны, за свои близкія отношенія къ бывшему вице-президенту синода, Θεодосію Яновскому, то живеть въ Печерской лаврѣ (1728—1729), то снова отправляется въ Черниговъ, то предпринимаетъ въ 1730 г. отдаленное путешествіе въ Тобольскъ, по вызову митрополита Антонія Становскаго, перемѣщеннаго туда въ 1721 году ¹⁾. Проѣздомъ въ Сибирь, онъ успѣлъ представиться въ Москвѣ членамъ синода, который находился здѣсь по случаю пребыванія двора. Но уже въ началѣ 1733 г. Арсеній отпросился въ Черниговъ, куда впрочемъ не поѣхалъ, а отправился въ Устюгъ, Холмогоры и Соловецкій монастырь. Этотъ послѣдній служилъ тогда мѣстомъ ссылки для важнѣйшихъ раскольниковъ, въ числѣ которыхъ Арсеній встрѣтилъ бывшаго игумена Мошенскаго монастыря (кievской губ.) Іоасафа, впавашаго въ расколъ и увлекшаго за собою весь монастырь. Арсеній принялся было увѣщевать его и написалъ даже по этому поводу сочиненіе. Старанія Арсенія не увѣнчались успѣхомъ; но для его характеристики важно то, что въ полемикѣ съ расколомъ онъ выступилъ проникнутый духомъ «Провсвѣтителя» Іосифа Волоцкаго, духомъ религіознаго фанатизма. Въ это время изъ синода былъ присланъ къ холмогорскому архіепископу запросъ—нѣтъ ли у него ученаго монаха для опредѣленія въ камчатскую экспедицію по р. Оби, предназначавшюся для открытія морскаго пути въ Камчатку, и онъ указалъ на Арсенія. Такимъ образомъ Арсеній совершилъ четыре морскихъ кампаній (1734—1737), которыя, впрочемъ, ни къ чему не привели ²⁾. Во время третьей кампаніи (въ началѣ 1736 г.) онъ былъ привезенъ изъ Пустозерскаго острога, вмѣстѣ съ лейтенантами Муравьевымъ, Павловымъ и прочею командою въ адмиралтейскую коллегію «по нѣкоторому секретному дѣлу»; но такъ какъ за нимъ никакихъ провинностей не оказалось, то ему снова велѣно было отправиться въ Пустозерскъ. Вскорѣ, однако, по причинѣ цынги (которою Арсеній постоянно страдалъ), ему раз-

¹⁾ Этимъ опровергается показаніе, что Арсеній, по открытіи Академіи Наукъ (1726), былъ опредѣленъ законоучителемъ въ академическую гимназію. См. «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862, II, 11.

²⁾ Описаніе этихъ путешествій помѣщено въ Записк. Гидрогр. Департ. Морск. Министерства, IX. В. И.

рѣшено было (25-го января 1737 г.) оставить флотскую службу и (7-го октября) велѣно было состоять при синодальномъ членѣ, Амвросіѣ Юшкевичѣ, епископѣ Вологодскомъ, при которомъ онъ находился до 13-го сентября 1738 г. Это обстоятельство сблизило Арсенія съ лицомъ, занявшимъ, въ правленіе Анны Леопольдовны и въ царствованіе Елисаветы, первое мѣсто въ церковной іерархіи и съ которымъ онъ дѣйствовалъ за-одно въ интересахъ послѣдней. Въстѣ съ тѣмъ это сближеніе обезпечило дальнѣйшую судьбу Арсенія. Такимъ образомъ, когда въ 1738 г. открылась вакансія законоучителя въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, то на эту должность былъ представленъ Арсеній¹⁾. Кадетскій корпусъ въ то время имѣлъ большое значеніе, пользуясь покровительствомъ своей основательницы, императрицы Анны Іоанновны, и доставляя доступъ для дѣтей, преимущественно высшаго дворянства²⁾. По этому поводу отъ Арсенія потребовали представить въ синодъ сказку о его службѣ, въ которой онъ показалъ, что «въ подозрѣніи никакъ никогда не бывалъ и нынѣ за собою подозрѣнія не имѣетъ» и дважды присягалъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ—въ 1730 г. въ Черниговѣ и въ 1731 г. въ Тобольскѣ. Тѣмъ не менѣе, синодъ счелъ необходимымъ подтвердить его слова свидѣтельскими показаніями. Состоя въ то же время при синодѣ, Арсеній занимался обученіемъ ставленниковъ³⁾, и уже теперь онъ заявилъ себя человѣкомъ, весьма тяжелымъ для подчиненныхъ. Сохранились акты, обличающіе въ немъ человѣка крутаго, жестокаго нрава. Такъ, въ бытность свою московскимъ инквизиторомъ⁴⁾, онъ до смерти запыталъ ярославскаго игумена Трифона, несмотря на его престарѣлыя лѣта (85 лѣтъ). Такое самоуправство вызвало жалобу со стороны ростовскаго архіерея, по поводу которой синодъ постановилъ: «впредь пытать

¹⁾ О преподаваніи Арсенія Мацѣевича въ кадетскомъ корпусѣ нѣтъ свѣдѣній, но въ историч. запискахъ Миллера о членахъ Академіи Наукъ онъ показанъ законоучителемъ (1740 г.) при академіи. «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862, III, 135.

²⁾ Съ основаніемъ его дѣти многихъ знатныхъ фамилій, обучавшіяся въ академической гимназій, перешли въ кадетскій корпусъ.

³⁾ Всесвѣд. вѣкъ. II, 301—365; «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1862, II, 10.

⁴⁾ По другимъ—экзаменаторомъ. Рус. Достопамят. В., IV. Арс. Мацѣевичъ, И. М. Снегирева, 4. В. И.

бережно»¹⁾. Между тѣмъ, вскорѣ (1740) архіерейская каведра въ Tobольскѣ сдѣлалась вакантною²⁾, и въ это же время Амвросій Юшвевичъ, переименованный въ архіепископы новгородскіе, занялъ президентское мѣсто въ синодѣ. Близость къ нему Арсенія, человѣка, какъ и онъ, происходившаго изъ южной Россіи, при томъ знакомаго съ Сибирью, должна была имѣть вліяніе на выборъ лица, для замѣщенія вакантной каведры. Такимъ образомъ, когда правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ были представлены два кандидата: первымъ—черниговскій архимандритъ Тимофей Максимовичъ, а вторымъ—синодальный іеромонахъ Мацѣвичъ, то послѣдній былъ предпочтенъ и посвященъ въ санъ митрополита 26-го марта 1741 года³⁾. По прибытіи въ Tobольскъ, Арсеній, по примѣру малороссійскаго епархіальнаго управления, переименовалъ тобольскую архіерейскую канцелярію въ консисторію: такъ, порядокъ церковнаго управления Малороссіи, вмѣстѣ съ архіереями, вышедшими оттуда, переносится въ великорусскія епархіи, но онъ нисколько не улучшилъ общаго положенія дѣлъ.

Хотя и на этотъ разъ пребываніе Арсенія въ Сибири было непродолжительно (съ 18-го декабря 1741 г. по 10-е февраля 1742 г.), но до насъ дошелъ цѣлый рядъ промеморій, которыя, какъ нельзя лучше, характеризуютъ личность самого Арсенія, уже не скромнаго монаха, подающаго «сказку» передъ мелкимъ синодальнымъ чиновникомъ и увѣряющаго въ своей гражданской благонамѣренности, но какъ человѣка, гордаго въ сознаніи своей власти и неприкосновенности духовнаго сана. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ январѣ 1742 г. къ Арсенію была прислана просьба за кащика (благочиннаго), священника верхнепелымской волости,

¹⁾ «Чт. М. О. ист.» 1862, 3. Въ спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей Рос. Цер., составл. П. Строевымъ, имя ярославскаго игумена Трифона не упоминается. Быть можетъ, оно принадлежитъ къ числу пропущенныхъ Строевымъ, какъ и многія другія, не оказавшіяся при нашихъ справкахъ. Въ Анастасіевскомъ ярослав. монастырѣ дѣйствительно оказывается такой пропускъ на стр. 368.

²⁾ Списки архіер., Юр. Голстаго, стр. 4.

³⁾ Чистовичъ, Арс. Мацѣвичъ, «День», 1862, № 15, стр. 4. Къ жизнеоп. Арс. Мац. «Чтен. Моск. Общ. исторіи», 1864, IV, смѣсь, 29. Списки, составл. Юр. Голстымъ, стр. 10. В. И.

Михаила Степанова, содержавшагося подъ арестомъ въ сибирской губернской канцеляріи. Въ своей просьбѣ онъ объяснялъ, что, будучи опредѣленъ митрополитомъ Филоеемъ Лещинскимъ (окрестившимъ съ 1712 по 1726 г. до 40,000 человѣкъ инородцевъ), онъ обязанъ былъ выстроить для вогуловъ церковь, крестить язычниковъ и надзирать за крещеными; но въ 1730 году, по повелѣнію императрицы Анны и на основаніи инструкціи митрополита Антонія, ему предписывалось принять противъ вогуловъ таковыя мѣры: истреблять идолы и кумирницы, воспрепятствовать приносить языческія жертвы, доносить о виновныхъ гражданскому начальству и наказывать ихъ. Вслѣдствіе этого, въ 1732 году, онъ сжегъ 120 идоловъ и запретилъ приносить въ жертву лошадей, но затѣмъ снова отерпѣлъ, что языческія жертвоприношенія совершаются въ тайнѣ, посредствомъ потопленія въ рѣкахъ быковъ и коровъ; между крещеными и некрещеными заключаются браки, причемъ платятъ калымъ ¹⁾, многіе же совсѣмъ оставили христіанство. Виновные въ этихъ преступленіяхъ не разъ подвергались наказаніямъ, вслѣдствіе чего пришли въ ярость противъ попа, нападали, грабили и наносили побои причту, а его, Степанова, обвиняли въ вымогательствѣ у нихъ денегъ и звѣрей; наконецъ, въ 1741 году, подали на него жалобу въ свѣтскій судъ, который распорядился схватить его, заковать въ цѣпи и отправить въ губернскую канцелярію. Получивъ эту просьбу, Арсеній рѣшился «отъ такихъ наглыхъ нападоу и раззореній, какъ отъ свѣтскихъ командировъ, такъ и отъ иныхъ вогульцевъ, милостиво оборонить». Онъ защищаетъ обвиненнаго всею силою указовъ о неприкосновенности духовнаго сана и неподчиненности духовенства мірскому суду, безъ разрѣшенія на то архіереевъ: «такъ какъ свѣтская и неосвященная персона духовное лицо на себя брать и священника въ совѣстныхъ падежахъ, мимо главныхъ духовныхъ властей, которымъ дана власть вязать и рѣшить по святымъ законамъ, допрашивать и судить никакъ не можетъ»; а о томъ, что пелымскій воевода допустилъ сковать Степанова въ день полученія указа о восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, Арсеній объявляетъ, что войдетъ съ особымъ представленіемъ. Затѣмъ, обра-

¹⁾ Калымъ—плата за невѣсту.

щаясь къ самому вопросу о виновности подсудимаго, онъ замѣчаетъ, что еще сомнительно, кто болѣе виновенъ, священники ли, или свѣтскіе правители, «которые сами къ полученію мягкой рухляди имѣютъ большую склонность, а порицаютъ священниковъ». Оправдывая послѣднихъ бѣдностью и нуждою, Арсеній, какъ бы въ упрекъ администраціи, указываетъ на бывшее слѣдствіе о ясачныхъ сборщикахъ въ Сургутѣ. «И сіе представляется», замѣчаетъ онъ—«не для какаго на воеводъ нареканія, которые не бѣлками, но цѣлыми мѣхами отбираютъ, и не защищеніе поповъ, которые берутъ себѣ на пропитаніе бѣлочками, но токмо о истинѣ изъясняется, что, вмѣсто помощи, какъ нынѣ бѣдное священство гонятъ и турбуютъ, и изнемогаютъ, бьютъ и бьютъ, яко злодѣевъ, и инстигуютъ (преслѣдуютъ) безъ мѣры, не яко о правдѣ пекущеса, но яко сами, любимѣннѣя страстью одержимы суще, ищутъ себѣ всякими несправедными вымысли пріобрѣтенія... Волостныя церкви пустѣютъ и новокрещенные наставленія лишаются отъ гоненія неразумныхъ свѣтскихъ командировъ, которые изъ своихъ происковъ не вѣру святую и православіе утверждаютъ, но и пріобрѣтенное духовными пастырями великимъ трудомъ и коштомъ вовсе тщатся уничтожить на едино поруганіе нашему святому православію». Вслѣдствіе этого заявленія, послѣ допроса, Степановъ былъ отосланъ въ Пелымъ, для производства дѣла, а свѣтское начальство считало даже нужнымъ оправдываться. Но въ томъ же январѣ (1742 г.) у Арсенія возникло новое столкновеніе съ сибирскою канцеляріею, изъ-за драки между крестьяниномъ архіерейской вотчины и приказчикомъ, котораго крестьянинъ обвинялъ въ грабежѣ. Арсеній снова выступилъ съ грозною промеморіею, потребовавъ обоихъ виновныхъ на свой судъ, на основаніи указовъ 30-го мая 1739 г. и 14-го августа 1741 г., но канцелярія, основываясь въ свою очередь на постановленіяхъ 1727 и 1728 гг., виновныхъ къ нему не отпустила. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1742 г., будучи уже въ Москвѣ, Арсеній доносилъ синоду, что въ его канцеляріи имѣется донесеніе на тамошняго воеводу, полковника Миклашевскаго, за тѣ, что онъ билъ плетями крещеныхъ татаръ, принявшихъ христіанство, безъ позволенія своихъ владѣльцевъ—татаръ, распорядился отдать жену одного изъ нихъ некрещеному татарину, а другаго разрѣшилъ продать, хотя на него не было крѣпостнаго акта. Ар-

сеній настаивалъ, чтобы это дѣло разсматривалось въ томской, а не тобольской канцеляріи, склонной покрыть виновнаго, и снова проговорился на счетъ «безсовѣстныхъ воеводъ». Онъ требовалъ отъ синода рѣшительнаго вмѣшательства въ это дѣло, тѣмъ болѣе, что инородцы могутъ быть «устрашены и утверждены свѣтскими злоковарными, неправедными, лихоимственными слѣдствіями и не будутъ имѣть охоты къ св. крещенію». Несмотря, однако, на такія энергическія заявленія, означенное дѣло было разсмотрѣно въ Тобольскѣ. Въ тобольскомъ епархіальномъ архивѣ есть еще нѣсколько подобныхъ промеморій Арсенія, въ которыхъ онъ съ неменьшимъ жаромъ отстаиваетъ права духовенства и новокрещенныхъ и не щадитъ словъ на обличеніе порядковъ свѣтскаго управленія. При этомъ, знатокъ мѣстныхъ архивовъ, протоіерей А. Сулодкій замѣчаетъ, что ему пришлось просмотрѣть и прочесть бумаги предшественниковъ и преемниковъ Арсенія за время 1701—1768 гг. и, несмотря на то, что всѣ тогдашніе сибирскіе архіереи прошли одну школу съ Арсеніемъ, т. е. вышли изъ южной Россіи, но ни у одного изъ нихъ нѣтъ такихъ выраженій, такихъ отзывовъ и замѣчаній на счетъ другихъ, и на счетъ лицъ, несогласныхъ съ ними и такъ или иначе касавшихся духовенства ¹⁾.

Вступленіе на престолъ Елисаветы Петровны пробудило въ русскомъ обществѣ національныя чувства, долго сдерживаемыя преобладаніемъ иностраннаго режима, а религіозныя интересы нашли въ ней горячую поборницу. Екатерина II впоследствии такъ отзывалась объ этомъ времени въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Жоффренъ:

«Въ молодости я предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ нужно было быть или тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду» ²⁾.

Мы видѣли, какъ привѣтствовало духовенство этотъ переворотъ. Въ его нападкахъ на прежній порядокъ не только видны намеки, но произносились самыя имена виновныхъ; Остермана,

¹⁾ «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1864, IV, смѣсь, 29—36. Матер. къ жизнеописанію Арс. Мацѣвича.

²⁾ Сборникъ русск. истор. общества, I, 282.